

Когда Чжэ Хун снова открыл глаза, его голова была странно пустой.

'Наверное, я закрыл глаза в библиотеке, но где я?'

Неужели я потерял сознание и меня отвезли в медпункт или больницу?

Однако, когда он огляделся вокруг, пейзаж был слишком странным, чтобы назвать его медицинской палатой или больницей.

'Это драматическая декорация? Или я все еще во сне?'

Кровать, на которой он лежал, выглядела роскошной и великолепной, но ее мягкость была не такой хорошей, как у дешевых матрасов дома.

На потолке не было люминесцентных ламп, поэтому было темно, а стены комнаты были расписаны красивыми пейзажами.

Чжэ Хун не очень хорошо разбирался в живописи, но он точно мог сказать, что это была фреска, от которой исходило ощущение старомодности.

В наши дни такой дом можно встретить разве что в декорациях к драме или фильму.

'Как я сюда попал?'

После осознания того, что он находится в месте, которое даже не мог себе представить, его голова внезапно прояснилась.

Он поспешно вскочил с кровати и посмотрел на себя.

— Что? Почему на мне такое?

На нем было странное цельное платье с короткими рукавами, доходившими до колен, и поясом с причудливым украшением.

Поскольку это было все в одном, конечно, на нем не было даже брюк, поэтому он чувствовал себя очень странно. И не только одежда была странной, но и форма его тела тоже казалась другой.

Как будто его рост уменьшился, а зрение снизилось. Рефлекторно он попытался достать свой мобильный телефон, чтобы позвонить, но его вещей нигде не было видно.

Не понимая, что происходит, Чжэ Хун стал ходить по комнате в поисках зеркала.

— Молодой господин, вы проснулись?

— Молодой господин?

Слова, произнесенные вошедшей женщиной с вуалью, были не на корейском языке. Тем не менее, он понял смысл слов так естественно. Более того, он мог свободно говорить на языке, который никогда не слышал раньше.

— Эй, эй... Кажется, я пришел не туда. Я не пробрался сюда, но мне кажется, что кто-то привел меня сюда...

Женщина в длинном одеянии, похожем на халат, наклонила голову, неопределенно улыбнулась и сказала.

— Похоже, вы вчера слишком много выпили. Даже когда старейшины сказали не пить слишком много вина. Если вы не будете слушать старейшин, то, возможно, больше не сможешь ходить в бар.

— Старейшины? Бар? Нет, до этого, где, черт возьми, находится это место? Я же не уехал из Кёнги-до, верно?

[п.п. - Кёнги-до - провинция в Южной Корее].

— Разве вы не помните? Вчера Кинтино принес вас на своей спине, потому что вы пили до потери сознания. Старейшины возмутились, что пить до потери сознания - значит унижать достоинство дворянина.

Слова женщины, которые он совершенно не понимал, начали вызывать у него мурашки по коже.

'По какой причине она называет меня молодым господином?'

Он хотел спросить, не перепутала ли она его с другим человеком, но, глядя на ее выражение лица, так не казалось.

— Эй... Я должен сдать задание к завтрашнему дню, так что мне пора идти. Я должен пойти и сделать кое-какую работу...

— У молодого мастера Маркуса есть работа?

Женщина расширила глаза, как будто не понимая, и переспросила.

— Вы вчера слишком много выпили... Похоже, вы еще не проснулись. Я поговорю со старейшинами.

Женщина повернулась и попыталась выйти из спальни. Но Чжэ Хун поспешно позвал ее обратно и стал задавать вопросы.

— Эй, эй! Где это место и почему на мне эта одежда? Куда делись все вещи, которые у меня были?

— Да? Конечно, это особняк семьи Крассов на Палатинском холме, а вы - молодой хозяин, Маркус.

Сказав это, женщина подошла с обеспокоенным лицом и осмотрела лицо Чжэ Хуна.

— Вы плохо себя чувствуете или вам приснился кошмар?

— Нет... не поэтому...

— Эй, молодой господин? Почему вы так внимательно ко мне относитесь?

Чжэ Хуну казалось, что его голова вот-вот лопнет. Две маленькие чистые руки, которые он мог видеть, явно отличались от тех рук, которые он помнил. На мгновение в его голове пронеслась абсурдная мысль.

— Эй, принеси мне зеркало...

— Да, я принесу его.

Женщина, вышедшая из комнаты, вернулась через несколько секунд с маленьким бронзовым зеркалом. Чжэ Хун растерялся, увидев форму бронзового зеркала, которое можно увидеть только в музее.

Он посмотрел на свое лицо в зеркале дрожащими руками и был так потрясен, что даже не смог закричать.

В зеркале отражался латиноамериканец с черными волосами, но совершенно не похожий на азиатов.

'Это я?'

Женщина обратилась к Чжэ Хуну, который смотрел на себя в зеркало широко раскрытыми глазами.

— Похоже, вчерашняя усталость еще не зажила. Сказать ли мне старейшинам, что сегодняшнее занятие будет трудным?

— Подожди. Как тебя зовут...

— Я Коре, молодой господин, вы даже забыли мое имя. Похоже, вы действительно плохо себя чувствуете. Я позову врача.

— Нет, не надо звать врача... ух!

Когда он смотрел на свое лицо в зеркале, его охватила внезапная головная боль. Чжэ Хун упал, обхватив голову руками, а Коре, чье лицо было белым от волнения, поспешно вышла на улицу и позвала людей.

Несколько человек вошли в комнату и стали пытаться заговорить с ним, но он их совсем не слышал.

Вместо этого в его сознание хлынул поток знаний о пейзажах, именах людей и вещах, которых он никогда раньше не видел. Чжэ Хун смог вспомнить, кто он здесь.

'Марк Лициний Красс'.

Он был старшим сыном самого богатого человека Рима, Марка Лициния Красса. И он был, Марк Лициний Красс II.

Настоящая семья Крассов была самой престижной аристократической семьей, которая в прошлом производила консулов и была лидером оптиматов, владевших самым большим богатством в Риме.

'Я не знаю, что это такое, но Я Чжэ Хун стал старшим сыном этой богатой семьи'.

Чжэ Хун, внезапно вспомнивший слишком много информации, на мгновение потерял сознание. А когда он снова открыл глаза, вокруг было темно.

— Молодой господин! Вы в порядке?

Когда Чжэ Хун открыл глаза, Коре, с тревогой наблюдавшая за ним, вскочила со стула.

— Я приведу старейшину. Пожалуйста, подождите минутку.

Коре бегом покинула комнату и вернулась через несколько минут с суровым на вид мужчиной средних лет.

Хотя Чжэ Хун никогда не видел его раньше, он сразу вспомнил, кто это.

Это был Марк Лициний Красс.

Он был патриархом семьи Крассов и отцом Маркуса, которым теперь стал Чжэ Хун.

— Цок-цок, какая хорошая сцена для просмотра. Старший сын семьи Крассов с юных лет напивается вином и ведет себя как дурак.

— Это, это...

Чжэ Хун знал, что все это сделал не он, но у него явно были воспоминания о том, как Маркус пил алкоголь, поэтому он не мог оправдываться.

Красс посмотрел на смущенного мужчину, щелкнул языком и отвернулся.

— Я даю тебе свое имя в надежде, что ты станешь таким же, как я, так как же мог появиться такой парень? У Публия нет другого выбора, кроме как продолжать процветание семьи.

Публий был младшим братом Маркуса и вторым сыном в семье Крассов. Маркус настолько потерял расположение отца, что отец открыто говорил о том, чтобы доверить семью второму сыну.

Ничего больше не сказав, Красс вернулся в свою комнату.

Увидев Чжэ Хуна, Коре последовала за Крассом из комнаты.

Оставшись один в темной комнате, Чжэ Хун спокойно рассмотрел сложившуюся ситуацию, лежа на кровати.

Он был Марком Лицинием Крассом II. Это была неоспоримая правда и реальность. Это сбывало с толку, но теперь это была правда, но проблема заключалась в том, что он стал 12-летним знаменитым блудным сыном, который прогневал имя своего отца.

Маркус вызывал различные беспорядки на фоне богатства и престижа своей семьи, и его дурная слава уже была известна в городе Риме. Кто-то может удивиться, что может сделать 12-

летний ребенок, но Маркус был довольно плохим человеком.

Избегая попадания в руки закона, он тщательно преследовал тех, кто был хоть немного навязчив.

Объектами его домогательств были в основном рабы из других домов или падшие простолюдины, так что его отец поначалу тоже не беспокоился.

В любом случае, в наше время рабы были просто объектами. Никто не обратил бы внимания на то, что он домогался представителей низшего класса. Однако по мере того, как жестокость усугублялась, его отец Красс не мог больше терпеть. Поэтому он запретил Марку мобилизовывать рабов для совершения насилия без причины. Затем Маркус стал демонстративно есть и пить.

Первоначально римляне пили много вина, но было принято запивать его большим количеством воды.

К тем, кто пил высокоалкогольное вино и пьянел, относились как к беднякам или плохим пьяницам.

Для Маркуса было почти обычным делом напиваться по утрам и общаться с сыновьями плохих вельмож, и из-за этого доверие его отца неизбежно падало на землю.

'Это настоящий пример типичного бездумного аристократического отпрыска. Не могу поверить, что мне придется жить в роли такого парня'.

Его жизнь изменилась в одночасье, но Чжэ Хун неожиданно спокойно приспособился к сложившейся ситуации. Когда он был в Корее, он все равно был "грязной ложкой", которая должна была жить в нищете, выплачивая кредиты до конца своих дней.

Поэтому в сотни раз лучше было жить как сын древнего аристократического рода, где ему не нужно было беспокоиться о деньгах до конца жизни.

Семью унаследует младший брат, но у Чжэ Хуна все равно не было желания продолжать род.

Достаточно было просто жить приятной аристократической жизнью, утопая в тени крутого отца и младшего брата, ведя в меру глупую жизнь.

Говоря о Крассе, он был великим магнатом, который сформировал триумвират со знаменитыми Цезарем и Помпеем, чтобы править Римом, верно? Хорошо, хорошо. Теперь можно навсегда попрощаться с бедной жизнью.

Жизнь древнего человека могла быть немного некомфортной, но он мог терпеть ее ради жизни

золотой ложки, о которой так мечтал.

Если он изменится слишком внезапно, это вызовет подозрения у окружающих, поэтому он решил, что ему придется постепенно поворачивать, чтобы следовать словам Красса.

Как раз в тот момент, когда его сердце уже готово было распахнуться во всю ширь при виде столь обнадеживающего будущего, в его голове промелькнула одна историческая деталь, которую Чжэ Хун знал.

'Подождите-ка! Разве Красс не умер после неоправданной экспедиции, чтобы догнать Цезаря и Помпея?'

Воспоминание не было ошибочным.

Красс, предпринявший экспедицию в Парфию, великую страну на Востоке, умер, потерпев унизительное поражение.

Проблема заключалась в том, что второй сын, Публий, который поднимал свою репутацию в битве, тоже погиб.

План, который заключался в том, чтобы оседлать спины отца и младшего брата и безбедно сосать только мед, столкнулся с кризисом еще до его начала.

Выражение лица Чжэ Хуна исказилось, как скомканный кусок туалетной бумаги.

<http://tl.rulate.ru/book/88313/2837060>